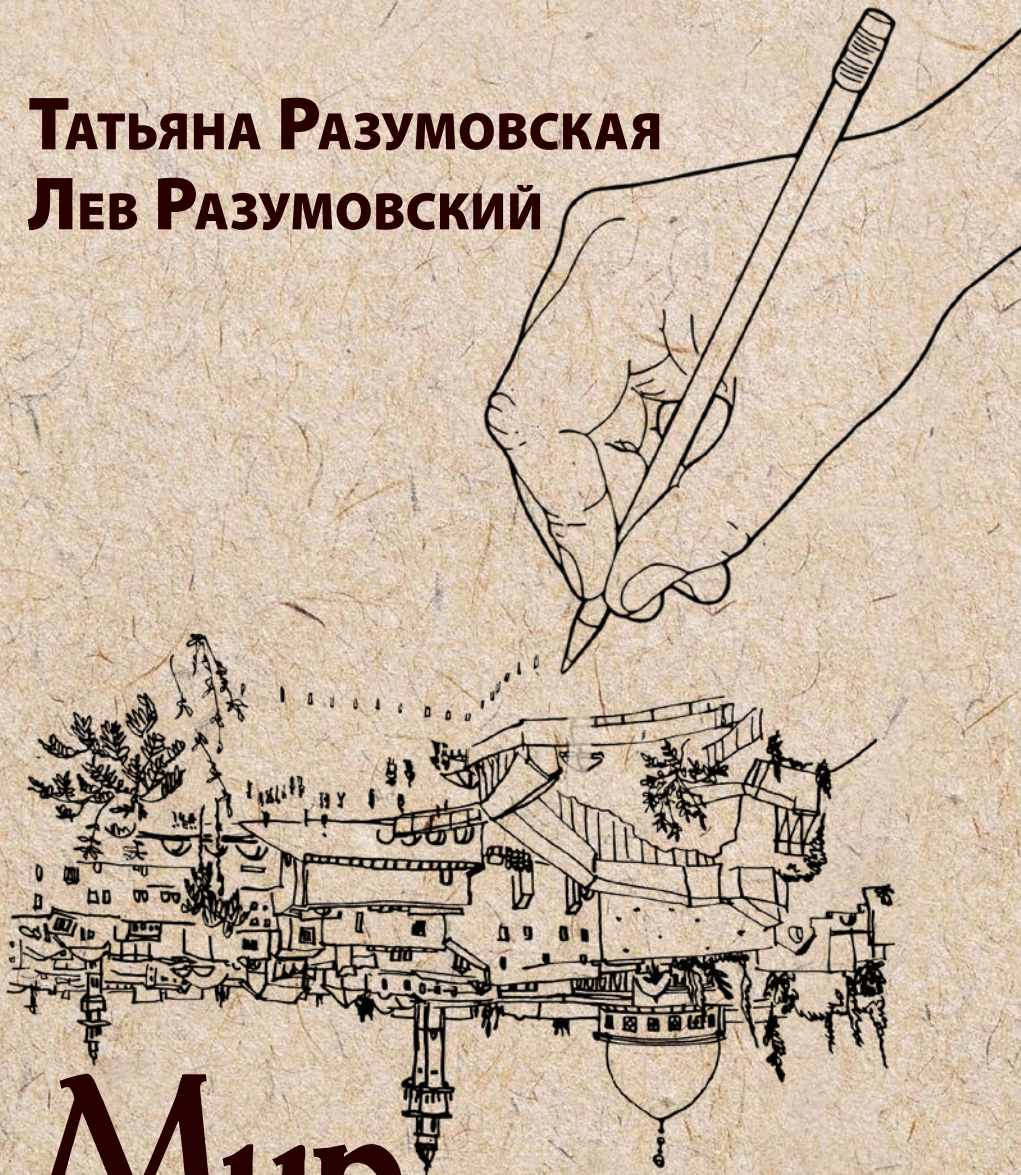

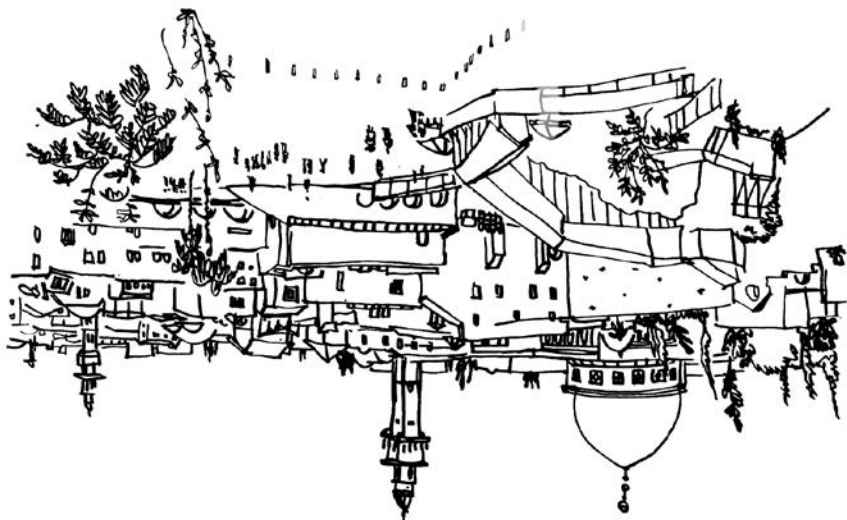
ТАТЬЯНА РАЗУМОВСКАЯ
ЛЕВ РАЗУМОВСКИЙ

Мир, наоборот

Израильские зарисовки

ТАТЬЯНА РАЗУМОВСКАЯ
ЛЕВ РАЗУМОВСКИЙ

Мир наоборот

Израильские зарисовки

БОСТОН • 2023 • BOSTON

Татьяна Разумовская, Лев Разумовский
Мир наоборот: Израильские зарисовки

Tatiana Razumovsky, Lev Razumovsky
The World Upside Down: Israeli sketches

Copyright © 2018–2023 by Tatiana & Lev Razumovsky

All rights reserved. No part of this book may be reproduced or utilized in any form or by any means, electronic or mechanical, including photocopying, recording, or by any information storage and retrieval system, without the written permission of the copyright holder.

ISBN 978-1960533197

Cover Design: Larysa Studinskaya © 2023
Дизайн обложки: Лариса Студинская © 2023

В оформлении текста книги использованы
рисунки Льва Разумовского © 1988–2001

Published by M•GRAPHICS | BOSTON, MA

📄 www.mgraphics-books.com
✉ mgraphics.books@gmail.com

Printed in the USA

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

.....

Это необыкновенная книга. У нее два автора — отец и дочь. Отец: Лев Самсонович Разумовский — человек поразительных способностей и удивительной судьбы. Такое впечатление, что он как бы явился к нам из мира Высокого Ренессанса. Настолько это яркий пример «универсального человека», вполне выдерживающего сравнение с когортой выдающихся мастеров, которую дала человечеству та знаменитая эпоха. Судите сами: он замечательный скульптор, удостоенный всевозможных наград, превосходный художник, график, медальер, создатель дивных моделей детских игрушек и, к тому же, замечательный писатель. Автор горькой, потрясающей своей запредельной искренностью книги о войне «Нас время учило...», где некоторые страницы напоминают эпизоды дантовского Ада. Но это еще не все. Он, потерявший на войне левую руку, сделал, казалось бы, невозможное — сумел виртуозно овладеть самой трудной профессией в искусстве. Стал скульптором. Уникальное явление в мировой культуре. Лев Разумовский мог своей одной рукой делать то, что даже великан Бриарей никогда бы не сделал своими ста руками.

Но, конечно, основной автор этой книги Татьяна Разумовская, репатриировавшаяся вместе семьей в Израиль в 1988 году, и сразу ощутившая его уникальность, с первых же дней стала записывать свои впечатления в блокноты, заполнявшиеся одни за другими.

Татьяна Разумовская не придавала своим записям особого значения, и, возможно, эта книга так бы и осталась в файлах компьютера, если бы не ее отец. Начиная с 1988 года и до самой своей кончины, Лев Самсонович каждый год приезжал в Израиль в гости к дочери и внуку. Он видел здесь всё и старался понять новые для него реалии жизни.

Именно из-за этих рисунков и решилась Татьяна Разумовская на издание своей книги: в память об отце. Рисунки мастера вошли в нее и слились в единое целое с текстом, не оставив рубцов в художественной ткани. Отличает эти рисунки какая-то особо теплая аура, и если долго на них смотреть, то покажется, что они оживают.

Достоинства включенной в книгу прозы в простоте и художественной целостности, в прозрачной чистоте языка и в живописности героев, словесные портреты которых созданы автором с большим мастерством, одним-двумя штрихами. И, конечно, в музыкальной тональности, пронизывающей всю книгу.

Конечно, скажут некоторые, она ведь дочь исключительно одаренного человека, и ее мастерство результат наследственности. Я лично не считаю, что артистичность и удивительная способность чувствовать и заставлять почувствовать нас неповторимые мгновения жизни передаются по наследству. Слишком уж часто яблоки от яблони далеко падают.

Конечно, мне хотелось бы привести наиболее яркие фрагменты из этой книги, но, боюсь, что тогда мне пришлось бы слишком много цитировать. Читайте сами.

*Владимир Фромер, писатель, историк,
журналист, эссеист*

ОТ АВТОРА

В январе 2024 года исполнится 36 лет, как мы прилетели в Израиль. Много было за это время — прекрасного и горького, трудного и счастливого, — как во всякой человеческой жизни. И все эти годы, в бесконечных хлопотах, заботах и беготне, я записывала какие-то свои впечатления, наблюдения. Сначала ручкой в блокноте, потом в компьютере. Сценки, которые увидела на улице или в автобусе, разные ситуации, в которые попадала, люди, с которыми пересекалась. Быстрые скетчи, зарисовки на бегу. Разрозненные кусочки головоломок, которые, если обернуться назад, все вместе складываются в стройную картину.

Так я и обозначила условные части этой книжки: блокнот первый, блокнот второй... Поскольку я пишу стихи, я позволила себе некоторые из них, так или иначе связанные с израильскими реалиями, вставить в текст. Точно так же я поместила отдельные впечатления от посещения концертов или вечеров — ведь они тоже часть моей жизни.

К нам каждый год приезжал в гости из России мой отец, Лев Разумовский, художник, скульптор. Он с огромным интересом наблюдал новую для него израильскую жизнь и постоянно рисовал в своем блокноте: дома, в транспорте, на улице, за разговорами в гостях. И не только в альбоме, но и на картонках и оберточной бумаге, найденных у помойки. Часть его рисунков украсило эту книгу. Они, мне кажется, совпадают по духу — мои быстрые словесные зарисовки и папины быстрые наброски иерусалимской жизни. Его рисунки — не иллюстрации к написанному, они сами по себе, ведут свою мелодию.

Я знаю, что он бы порадовался такой нашей с ним общей книжке.

Татьяна Разумовская

* * *

По странности судьбы, по логике абсурда,
Я родилась в семье не лорда и не курда —
Родителям спасибо за труды.
Росла я там, где снег и морось — норма,
Где город держит гордо стиль и форму,
Вне всякой политической бурды.

Потом металась я туды-сюды.
И вот, на некоем странном повороте
Я оказалась, как оса в компоте,
Наполнившем стакан граненый всклянь,
В стране, где правят бал свой суховеи,
Где как куда ни глянь — одни евреи,
Где каждый сам себе проводит грань.

Тут всякой твари боле, чем по паре,
И тут почище финской бани парит,
А если «бы», то не всегда «кабы»,
Но все вкусней, как в дорогом десерте,
Ты ближе к жизни, но и ближе к смерти,
По воле случая, по странности судьбы.

МИР НАОБОРОТ

ИЗ ПЕТЕРБУРГА — В ИЕРУСАЛИМ

Мы сменили пространство жизни не просто на иное — на противоположное. Во всем. Страну — супергиганта, растянувшуюся на два континента, — на закорючку, не видную на карте без лупы. Даже название не помещается. Только цифра и сноска внизу. Плюнуть чуть дальше — уже заграница, международный скандал.

Питер — город равнинный, болотный, ни взгорочка. Проспекты — как взмахи палочки регулировщика. Стильность, сдержанность, определенность. Иерусалим сумбурен — весь на холмах, улицы вокруг них вьются кольцами, планы города подвижны, дома лепятся ульями, спускаются с вершин гор в лоцины. Никогда не знаешь, куда вывернет незнакомая улочка. Во многие дома входишь с улицы в средний этаж — в часть квартир надо подниматься, в другие спускаться.

Мы выросли в ритме четкой смены времен года — зима, весна, лето, осень. С этим связаны сказки, смена одежды, развлечения, поведение, еда. Вся русская литература настояща на временах года, вся петербургская поэзия пропитана дождем и снегом.

В Израиле логику времен года постигнуть сложно. Грибы собирают в декабре, в январе начинают цвести миндальные деревья, и иерусалимские холмы покрываются нежной молодой травой. При этом вполне может пойти снег. Правда, короткими приступами, не дольше, чем два-три дня подряд, потом тает. На время снега жизнь в городе останавливается. Не ходит никакой транспорт, школы закрываются, кипарисы и хрупкие итальянские сосны не выдерживают тяжести снега и падают, электричество подается с перебоями. При чем снегопад и метель иногда сопровождаются грозой. Валят

хлопья, и одновременно гремит гром, каждые десять секунд бьют молнии. Снег бывает почти каждую зиму, но всякий раз воспринимается как стихийное бедствие. Радио и телевидение ни о чем другом не сообщают, сводка о снеге поступает каждый час, как с поля боя.

Февраль-март — время бурного цветения кустов, деревьев, пустыни. Красота необыкновенная. Ручейки звенят, бабочки летают. В мае все дожди категорически заканчиваются, в июне реки высыхают, цветы и трава выгорают, холмы до следующей зимы будут стоять лысые, покрытые сухими колючками.

Сезон арбузов в Израиле — с апреля по ноябрь. Сезон клубники — с января по июнь. Новый день начинается с вечера — с момента зажигания третьей звезды. Рабочая неделя — с воскресенья. Привыкнуть к этому людям, выросшим в российских широтах, непросто. Всякий раз удивляешься заново.

Все наоборот. Для россиян праздник немыслим без выпивки. Чтобы ее было много, да потом еще бегают по соседям, чтобы добавить, потому как не хватило. Закуска — дело третьестепенное, можно занюхать корочкой хлеба или рукавом. Для израильтян праздник — это поесть. Выезжают на природу большой компанией, долго из машин выгружают коробки с заготовленными салатами, лепешками, соленьями, тортами, маринованным мясом. На нескольких мангалах жарят шашлыки в немыслимом количестве и едят, едят. Если кто-нибудь захватит с собой бутылочку сухого вина, скорее всего, он увезет ее обратно — никто не соблазнится. Пьют кока-колу и минеральную воду.

Все наоборот. Пишем на иврите справа налево. Заглавные буквы отсутствуют, гласные тоже. Книги и газеты листаешь в обратную сторону. Пальцы долго бунтуют, вертят книгу туда-сюда, ищут, откуда начать.

Петербуржцы в массе своей сдержаны, сосредоточены. Жесты скупы, улыбки редки, на каждом лице маска, каждый вещь в себе. Одеваются под стать городу — в приглушенной серо-коричнево-черной гамме. Детей постоянно одергивают, чтобы не шумели, не баловались, вели себя прилично. Хвалить своего ребенка считается дурным тоном.

Израильтяне разговаривают руками, голосов не понижают, перекрикиваются через улицу. Детей целуют бурно, расхваливают чрезмерно. Орущего, прыгающего, рассыпающего вокруг себя чипсы ребенка никто не останавливает — все смотрят с умилением. Одеваются открыто, сексуально, формы подчеркивают, не зависимо от габаритов. И чем ярче, тем лучше. Светские, конечно, у религиозных свой стиль. Женщины носят одновременно по пятнадцати разномастных колец, столько же золотых или серебряных браслетов, да еще ножные браслеты, и кольца на пальцах ног, и по несколько серег в каждом ухе. Да на шее десяток цепочек, с подвесками и без. Как ни странно, это бывает красиво.

Эмоции все наружу. Идешь по улице. Рядом тормозит машина. «Слушай, ты очень красивая, ты мне нравишься. По-едем, выпьем чашечку кофе?» (Общеизвестный эвфемизм, приглашающий переспать). «Нет». — «Почему?» — «Не хочу». «Ну ладно, как хочешь». Лучезарно улыбается и уезжает.

Стоит группа мужчин. Ссорятся. Чудовищные обвинения нарастают, оскорбления, крики: «Я тебя убью!», противники машут кулаками, хватают друг друга за ворот. Ярость доходит до верхней точки... И стихает. Вот они уже хохочут. Выплеснули раздражение и успокоились.

Можно такое представить в России?

Россияне привыкли мучиться большими вопросами. «Что делать? Кто виноват?» Мыслят глобально, в масштабах земного шара, с заглядыванием в следующие десятилетия, века. К тотальному воровству в стране относятся фаталистически, как к судьбе.

В Израиле — наоборот. Обыскивают не на выходе из магазина, а на входе — ищут взрывчатку. Никто не планирует жизнь на потом, вся страна живет не по средствам, у всех долги банкам, и никого это не смущает. Это привычка к постоянной военной ситуации. Кто знает, что будет завтра? Зачем строить планы, думать о будущем или в чем-то себе отказывать? Живем сегодняшним днем и радуемся.

КАРТИНКА

Холмы гурьбой зазеленели,
Снуют улитки, слизняки,
Сквозь толщу прошлогодней прели
Пробились первые цветки.

Ночь шире, день немного уже,
Над шляпами цветут зонты,
Брезгливо огибают лужи
Иерусалимские коты.

Выводят тучи сложный танец,
Махая лентами дождей,
Пацан в автобусе свой ранец
Забыл — и всполошил людей.

Из шкафа вылезли ботинки,
Свободой гордые весьма,
И ясно сразу из картинки:
У нас в Израиле — зима.

РОЗМАРИН

Иерусалимские холмы
Заголубели розмарином,
Их аромат нутро промыл
До самой мёрзлой сердцевины.

Прорехи залатал души,
Изгнал отчаянье и простуду
И лёгким приказал: «Дыши!
Дыши и радуйся — покуда».

БЛОКНОТ ПЕРВЫЙ

.....

УВЕРТЮРА

Мы отправились в Израиль в январе 1988 года. Народ тогда летел через Вену, где евреи разделялись: одни отправлялись в Израиль, а другие — в Италию, чтобы там дожидаться американской визы.

Но как раз ко времени нашего отбытия из СССР появилась другая возможность — лететь через Бухарест. Что мы и выбрали. Это был второй такой рейс, и нас, и еще одну семью, направляющуюся на историческую родину, в Бухаресте торжественно встречала посол Израиля в Румынии.

Нас отвезли в лучшую гостиницу Бухареста — для высоких иностранных особ, выдали румынские деньги на текущие расходы.

В этой роскошнейшей гостинице мы прожили восемь дней в ожидании самолета на Израиль, и она нам до чертиков надоела. Коврами в ней было застлано все: номер, коридоры, лифты. Кровать была четырехспальная. Но в номере горела одна, пятнадцатисвечевая лампочка, а по неосвещенному коридору приходилось пробираться ощупью. Экономия электричества. Уличные фонари тоже не горели, так что мы выбирались погулять только днем и ненадолго — мутно-мрачные январские дни и такие же лица на улице не вызывали желания совершать променады.

Питались мы в гостиничном ресторане, опять же за счет посольства, но была там на завтрак, обед и ужин одна лишь свинина. Я попросила чего-нибудь молочного — для ребенка, но ничего такого не имелось вообще. И в молочном магазине, куда я зашла, не было ничего белого или желтого. Румыния в тот период забыла, что такое молочные продукты.

Наконец рейс на Тель-Авив определился, и мы с радостью покинули наши апартаменты. В бухарестском аэропорту сильнейшее впечатление произвели таможенники и служба безопасности. От неизменного выражения ненависти и подозрительности на лицах, какой-то жуткой военной формы мы ощутили себя преступниками, шпионами, диверсантами, которых вот-вот схватят и посадят. Данька, которому было тогда год и десять месяцев, из чувства протеста, наверно, вдруг звонко запел: «Из края южного гурьбою дружною мы уезжаем в Ленинград!». Была такая песенка. Но заслонки на их лицах не сдвинулись.

Ночью, 11 января 1988 года, наш самолет, следующий рейсом Бухарест — Тель-Авив, подлетал к Израилю. Из крошечной тьмы вдруг внизу вынырнуло поле огней, огибающее дугой ночное море. Там начнется наша новая жизнь.

Потом суматоха аэропорта, паспортный контроль, оформление документов. Нас было на весь самолет — две семьи, прилетевшие жить в Израиль, но для нас приготовили прозрачные цистерны с соками, разные печенья, булочки. Данька немедленно оживился и рванул к столам. Даром, что в самолете он слопал обе наших порции — мы от волнения совершенно не могли есть.

А потом во внутренние помещения аэропорта, куда посетителям вход категорически воспрещен, прорвалось несколько друзей, улетевших в начале семидесятых. С цветами и какими-то подарками. А когда мы, наконец, вышли наружу, нас окружила целая толпа давних российских знакомых, израильских родственников мужа... Мы были одними из первых, кто прилетел из Советского Союза после того, как восемь лет никого не выпускали, и наш прилет воспринимался как чудо.

В день прилета в Израиль я позвонила родителям — было право на один бесплатный звонок. Папа закричал в трубку:

— Только не выпускай Даньку сразу на солнце! Там же почти Африка, у него будет солнечный удар!

— Папа, — сказала я, — не волнуйся, тут сейчас два градуса тепла. Идет снег.

Пауза. Папа подумал, что либо я сошла с ума, либо не туда залетела.

Так начался наш Израиль.

НАЧАЛО

Первые три примерно месяца израильской жизни я ничего не могла купить из еды. Заходила в крохотную лавочку рядом с домом, и от обилия и разнообразия продуктов, мелькания бесконечных этикеток мне становилось плохо. Я выходила с пустыми руками и мыслью: ну зачем так всего много?!!

Мы улетали из Союза, когда прилавки продуктовых магазинов были пусты и просторны, а неделя жизни в Бухаресте показала, что с продуктами может быть гораздо хуже.

Друзья навещали нас по нескольку раз на дню, и каждый притаскивал мешки всяких вкусностей, стараясь порадовать нас экзотикой.

Первый кокосовый орех в своей жизни я долго крутила в руках, потом припомнила из книжек, что внутри должно быть кокосовое молочко. Мы с трудом распилили орех, выпили по полглотка невыразительной мутной водички, остальное выбросили.

Кроме того, меня нервировали авокадо, которые нам приносил каждый гость. Мы попробовали эту пресную жирную мякоть и отложили. Выбросить дары было неловко, и я застенчиво ждала, пока они сгниют полностью, и тогда уже отправляла их килограммами в мусорку. Теперь я использую его в десятке блюд круглый год.

Как-то я сказала со вздохом, что при таком изобилии придется отвыкать от милых сердцу российских продуктов: гречки, соленых огурцов, кислой капусты. Друзья расхохотались и немедленно все это приволокли из ближайшего магазина. А нас-то перед отъездом во всех домах кормили дефицитной гречневой кашей, чтобы мы наелись на всю оставшуюся жизнь!

Почему-то рассказ о первых днях в Израиле получился продуктовым. Но это было началом нашей новой жизни, а самые сильные детские впечатления — вкусовые.

Закончу историей того же времени. Данька, в свои неполные два года прекрасно владея русским, о себе говорил во втором и третьем лице. Съев порцию фруктового компота, заявил:

— Хочешь еще компотику!

— Больше нет.

Он подумал и сказал:

— А хочешь посмотреть на пустую баночку!

Эта емкая фраза вошла в наш семейный словарь — так она ложилась на многие ситуации!

ПЕРВЫЕ ШАГИ

Сегодня мой сын совсем взрослый, музыкант, дирижер, живет и работает в Европе.

Поверить трудно, сознание, как всегда, отстает от реальности.

Долго, года два, привыкала к жужжанию электробритвы из его комнаты — никак не могла усвоить, что же это за непонятный звук. Все прислушивалась с недоумением, потом говорила себе: «Ах, да-да...»

Когда мы приехали в Израиль, Даньке было год и десять месяцев. Привела я его в детский сад. В Израиле есть замечательная традиция встречи в садике новых ребят. Всех малышей группы собирают в праздничный круг, каждому выдают что-то, производящее шум: колокольчик, трещотку, барабан и пр. Воспитательницы выставляют вкусное на столы и поют приветственную песенку новому человеку. И ребенок сразу чувствует, что ему рады, что его приход — праздник для всех, и никаких стрессов не происходит.

И вот весь этот веселый гам устроен в честь Даньки. Он стоит потрясенный, придерживая меня за ногу (так все-таки спокойнее!), и на мордахе полнейшая растерянность. Он свободно говорит по-русски и привык, что его все понимают, он всех понимает, а тут происходит что-то странное. Мы четыре дня в стране, еще — ни одного слова на иврите.

Песня заканчивается, я смотрю на сына и вижу, что в его сознании идет работа: на приветствие надо ответить приветствием, хотя и страшно.

Он собирается и поет:

*Дан приказ ему на Запад,
ей — в другую сторону,
уходили комсомольцы
на Гражданскую войну*

И так всю песню до конца.

А иврит... иврит пришел к нему сам собой, в игре, как это бывает у детей.

ХАНУКА

(Размышления светского человека)

До того как я получила в ленинградском ОВИРе отказ на выезд, я смутно слыхала о паре еврейских праздников — семья была совершенно ассимилированная: мы знали, что мы евреи, но не больше этого. В отказе мы познакомились с собственной культурой, но как неопиты были все немножко напряжены и избыточно серьезны.

В Израиле годичный цикл еврейских праздников оказался для меня чем-то совершенно новым, разнообразным и очень привлекательным. Все эти праздники сегодня — радость для детей, они ужасно ДЕТСКИЕ.

С каждым связана определенная еда, вкусная, праздничная, которую дети жадно ждут заранее. Набор детских песенок, разных веселых ритуалов. Я все это прошла с сыном, который в этом рос, и очень этому рада.

Для светского населения, которого большинство в стране, — это традиция, которой ВЕСЕЛО и совершенно ДОБРОВОЛЬНО следует основная часть израильтян. И это объединяет людей, взрослых и детей, причем в чем-то хорошем, добром. (В России в мое время таким праздником был только Новый год.)

Мне кажется, что даже если взрослый человек перестает их отмечать, все равно это мощная подпитка его душе, и, возможно, со своими детьми он захочет снова в эту традицию окунуться.

Вообще, все еврейские праздники связаны с серьезными историческими или религиозными событиями, та же Ханука — с победой Маккавеев, освобождением страны от захватчиков и очищением Храма.

Но с веками они полегчали, стали более веселыми, спустились (или поднялись?) к детям. Кстати, так происходит зачастую и с литературой: Дюма писал совсем не для детей, а теперь это — детская радость.

Ханукальная еда: пончики (для разнообразия начиненные вареньем, шоколадным муссом — на всю жизнь в бедрах!) и картофельные оладьи из тертой сырой картошки. Похожие делают в Прибалтике.

И дети счастливы: каждый вечер, в течение восьми дней, зажигать в ханукие (девятисвечник) на одну свечу больше — в память о капле масла, которая чудом горела в Храме восемь дней подряд после его очищения от языческих идолов.

А еще они крутят четырехугольные волчки («дрейдл» — на идише, «савивон» — на иврите), на гранях которого четырем первыми буквами обозначена фраза: «Чудо Великое Произошло Здесь». Вне Израиля последнее слово заменяется на «Там».

Ну, и существует традиция дарить на этот праздник детям деньги. Насколько я замечала, никто из детей против этого не возражал!

ВЫДАВЛИВАЕМ РАБА

Если подумать, так холопство не столько сверху насаждается, сколько страстно снизу рвется, прямо из нас.

В первый год нашей жизни в Израиле в наш центр абсорбции приехал тогдашний премьер-министр Ицхак Шамир. За

несколько месяцев жизни на новой родине у народа накопи-
лось. И один очень активный и неглупый человек, узнав о ви-
зите премьера, сказал:

— Как только он явится, я ему напрямую все выскажу,
пусть знает, гад!

И вот, мы стоим, подъезжают правительственные маши-
ны, охрана, маленький Шамир идет, сияя, между нашими ря-
дами, кому руку пожмет, кому слово ласковое скажет. И тот
человек, когда премьер около него остановился, схватил про-
тянутую руку, потряс ее и залепетал:

— Спасибо Вам... Мы так счастливы... И благодарны...
Спасибо!

А потом на наши расспросы честно ответил:

— Всю жизнь в Москве прожил, а главу страны видел
только по телеку или в черном членовозе... А тут премьер-
министр сам мне руку жмет... Я и растерялся...

ИЗРАИЛЬСКИЕ ЗАРИСОВКИ ЛЬВА РАЗУМОВСКОГО

.....

Мы улетали в Израиль 3 января 1988 года из Шереметьево, других рейсов тогда не было. Ожидая таможенной проверки, мы с папой оба плакали, ведь по опыту предыдущих отъездов понимали, что расстаемся навсегда — эмигранты как будто проваливались в небытие, редкие письма доходили раз в несколько лет.

Но времена менялись неожиданно и стремительно, и в октябре того же 1988 года я встречала родителей в аэропорту Бен-Гуриона — они были одними из первых российских туристов в Израиле. В тот приезд я их почти не видела — налетели друзья, уехавшие еще в 70-х, возили их по стране. Кроме того, Сохнут устраивал первым гостям роскошные трехдневные поездки по Израилю, знакомя их с историческими местами, заповедниками, кибуцами и сельскохозяйственными угольями.

Родители были потрясены, восхищены, ошарашены. «Создать на голых камнях, в безводной пустыне такие сады и мощное сельское хозяйство! — говорил папа. — А Россия, с ее неисчислимыми богатствами, лесами, полями, пресной водой — загубила всё, что можно загубить...». И он безнадежно махал рукой.

Папа влюбился в Израиль, приезжал каждый год и жил по долгу. И постоянно рисовал. У него с собой всегда был блокнот, карандаш, и он делал наброски в автобусе и в учреждениях, и просто на улице. А возвращаясь домой, он рисовал увиденные сценки по памяти — у него была фантастическая память художника, цепко удерживающая черты лица и позы, и детали одежды.

Зима в Иерусалиме (шляпы упрятаны от дождя в полиэтиленовые пакеты)

Диспут

Беседа о божественном

*Человек с каштаньятами
(в качестве каштаньет он использовал вставные челюсти)*

Мальчишки

Продавец кур

В кафе

В погоне за автобусом (автопортрет)

Эфиопки

В центре абсорбции, где мы жили первые годы, оказались выходцы из множества стран: Америки и Франции, Сирии, Ирана, Йемена, Эфиопии... Разнообразие лиц поражало. Мы-то в России считали, что еврей—это такой узнаваемый очкарик—математик, скрипач, доктор. А евреи оказались невероятно разными, незнакомого нам облика и образа жизни. У папы разбежались глаза, он с наслаждением делал портреты тех, кто соглашался позировать. Особенно его поражали эфиопские евреи—чернокожие, стройные, красивые, живописно закутанные в какие-то белые ткани.

К моему сыну постоянно забегали стайки ребятшек, и папа их всех тоже рисовал.

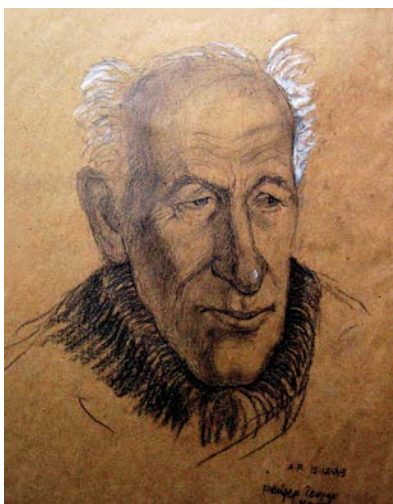
Детские портреты

Феликс Красавин, философ

Лев Разумовский (автопортрет)

Генрих Моисеевич Рейдер

Виктория Кацнельсон, учитель

Папа был универсальным художником. Окончив в Ленинграде высшее художественное Мухинское училище как скульптор, он оставил след практически во всех жанрах: живопись, акварель, художественные медали, садовая скульп-

Эмиль Финкельштейн

Илья Стратиевский

Оля и Володя Горенштейн

Л.Разумовский. «Летчик»
 Дипломная работа скульптора,
 выполненная в бронзе в 1953 году.

тура и мелкая пластика—в фарфоре, стекле и керамике. Много лет он был ведущим игрушечником Ленинграда, создал авторский стиль в игрушке, восемьдесят его моделей были в производстве, продавались по всему Советскому Союзу, и дети нескольких поколений до сих пор их вспоминают.

Он мечтал стать скульптором с детства, занимался в кружке скульптуры Дворца Пионеров. Война жестоко и страшно обломала детство и все планы его поколения. Блокада, когда он умирал от голода. Эвакуация по Дороге Жизни вместе с детским домом. В 1943 призыв в армию. Фронт. Тяжелое ранение, потеря руки. Ему только исполнилось 18 лет. «Ну и куда ты теперь такой? — жалостливо говорил сосед по палате в госпитале. — Пысарем будешь».

А он стал скульптором, одним из лучших на курсе. Его дипломная работа «Летчик» (1953) и сейчас стоит в петербургском Парке Победы. Скульптуры его разошлись по разным музеям страны, а пять из них приобрел Русский музей. Он создал множество лирических и веселых работ, но главными темами его творчества оставались война и Холокост.

В моем доме на стенах висят его картины, живопись и акварель. И медали: Блок, Ахматова, Рауль Валленберг. На шкафу стоят несколько его игрушек. Папки, полные его рисунков. И мне светло с ними.

БЛОКНОТ ЧЕТВЕРТЫЙ

.....

11 СЕНТЯБРЯ 2001 ГОДА

Я не забыла и не забуду никогда. Не важно, что было тогда утром и днем — обычный рабочий день. Память включается с того момента, как в автобусе, по дороге домой, позвонил на мобильник сын.

Это было непонятно и страшно.

Мой обычно сдержанный и ироничный сын каждые десять минут звонил мне и кричал: «Мама! Что происходит!.. Это конец света!!!»

А я ничего не понимала, сидя в автобусе, только то, что он в страшном состоянии. И бормотала в трубку: «Ничего, подожди, я сейчас буду... уже через 20... через 10 минут... я уже у дома».

А потом мы сидели, обнявшись, на диване и смотрели по телевизору весь этот ужас: первая башня, вторая башня. А потом я пыталась дозвониться до друзей в Нью-Йорке, но там не работали телефоны. Дозвонилась только до одного одноклассника, он работал на Манхэттене и был в почти невменяемом состоянии... Кричал, что всё в черном дыму, что нет связи с домом...

А после эти подробности, подробности, которые не готова воспринять душа, потому что это нечеловеческое.

И после 11 сентября было столько терактов по всему миру и в Израиле, в отдельности. И каждый из них — чья-то трагедия и горе, а для нелюдей — праздник с раздачей сладостей детям и ликующей пальбой в воздух.

И что тут скажешь, кроме одного — банального. Те, кто взорвал Близнецы, хотят уничтожить тот мир, ради которого мы живем. Мир, где мы работаем, учимся, растим детей, защищаем слабых, не обижаем зверей. Мир, где мы радуемся

живописи, музыке, архитектуре. Где мы ценим разум, образование, юмор и чудо каждой человеческой жизни.

Они — фанатичные враги всего этого. Им не важна ни своя, ни чужая жизнь. Они успешно уничтожают памятники человеческой культуры, мысли, опыта. Они наслаждаются убийствами, снимают их на мобильники, запускают в Интернет. Им отвратительна идея, что женщина — такой же человек.

И сегодня они, носители пещерного сознания, знающие только приказ какого-нибудь мелкого вождя или имама, умеющие хорошо делать только две вещи — убивать и умирать — сегодня они вооружены самым суперсовременным оружием.

И если мы не поймем, что это война против всех нас, против того, ради чего мы живем — они нас переиграют. Как это бывало и прежде: дикие и воинственные завоевывали и уничтожали культурных и изнеженных.

И не будет будущего ни для нас, ни для наших детей и внуков.

Может, стоит снять шоры с глаз? И, забыв мелкие выгоды экономики и влияния, объединиться против общего, очень страшного врага.

Пока не поздно.

В ПАРИКМАХЕРСКОЙ

Старая дама, делающая стрижку передо мной, бурно обсуждает с парикмахером нашу политическую ситуацию. Она — левая, он — правый, им есть, о чем спорить под щелканье ножниц.

Получив стильную стрижку, дама с удовольствием оглядывает себя в зеркало, целует мастера в щеку и, опираясь на палочку, в сопровождении помощницы идет к такси.

— Сколько ей лет? — спрашиваю я, садясь в кресло.

— 101 год недавно исполнился, — отвечает парикмахер.

В ХРАМЕ ГРОБА ГОСПОДНЯ

Как всегда в небольшом пространстве Храма толпы паломников и туристов, не продохнуть. В Кувуклию (место успения и воскресения Иисуса) огромная очередь.

Через эту толпу прёт тараном крепкий мужик с бритым затылком и огромным золотым крестом на мощной груди. Он тащит за собой свою подругу (длинноногая блондинка на шпильках) и приговаривает:

— Очень sorry, блядь, очень sorry, блядь!

Полиглот.

ВЕЖЛИВОСТЬ

В супермаркете несу упаковку морковки к своей тележке. Дорогу мне решительно пересекает старичок с кучей пакетиков с зеленью. Сует мне один под нос.

— Это что у меня?

— Кинза.

— И это кинза?

— Нет, это петрушка.

— А это что?

— Мята.

— А это?

— Тоже мята.

— Это что?

— Розмарин.

Старичок резко отворачивается и уходит.

— Не хочешь сказать «спасибо»? — говорю я ему в спину.

— Не за что! — бросает он через плечо.

СТАРОЕ

В квартире множество вещей сломалось одновременно, как всегда. Пришел мастер. Говорит:

— Бачок починить нельзя, он старый, его надо менять...

Кран у вас какой старый — вот детали в руках осыпаются...

Бра — старое, вот тут шайба расшаталась, совсем не держит... Жалюзи — ужасно старые, поэтому перекосились, да и добраться до них трудно... Квартирка какого года? Старенькая уже...

Я не выдержала:

— А если б всё было новенькое, зачем бы вы были мне нужны?

ПРОВОРОНИЛИ

Прежде чем варить куриный бульон — «еврейский пенициллин», я сняла с курицы жирную кожу, разрежала ее на кусочки, чтобы многим хватило, и вынесла кошкам. Ну, думаю, будет у хвостатых праздник.

Но не тут-то было. Кошки сбежались, понимая, что им принесли очередную дань. Нюхнули. Лапой потрогали. Самые смелые лизнули. И застыли, как в последней сцене «Ревизора».

Понимаю, их щедро кормят специальным сухим комом, и они просто не поняли, что это вот тоже еда. Один, самый передовой, вдруг осознал, впился в свой кусок, заурчал и отволокло его от собратьев подальше, береженого бог бережет.

Пока до других кошек доходило, ситуацию расчихали умные вороны. Налетели бандой и молниеносно утащили куриную кожу прямо из-под носа у кошек, те только башкой закрутили.

И вот тут до них дошло. Я наблюдала, с какой скорбной тоской они вылизывали асфальт из-под курицы. А ведь только что лежало тут, звало, в пасть просилось!... Эх!

СИРЕНЬ

Середина 90-х. Заработки художников в России почти сошли на нет, и папу это очень угнетает. Тут моя израильская подруга говорит мне, что ее знакомые хотели бы купить натюрморт с сиренью. Я звоню папе в Питер, он с оказией передает мне в Иерусалим акварель для продажи.

Я на нее смотрю, и у меня сжимается сердце. У папы есть формула: «из десяти работ девять дарить стыдно, а одну — жалко». Это высочайший уровень требовательности к себе. Так вот, этот натюрморт — из тех, которые безумно жалко отдавать. Увидят ли будущие владельцы, какой живой, дышащий букет сирени? Как дивно отражается окно в стекле банки? Как все напоено светом, воздухом, белыми ночами, с их чуть фиолетовым отсветом, вносящим в нежную радость весны капельку печали? Робко заикаюсь об этом папе по телефону, но он и слышать не хочет и командует: продавать!

Звоню подруге, она своим знакомым, и покупатели приходят. Семья: папа, мама, девочка лет одиннадцати. Все за-

мечательно красивы, стильно одеты, явно успешны в новой израильской жизни. Ставлю перед ними натюрморт.

Пауза.

Наконец, жена говорит растерянно:

— Сирень в банке за 20 копеек?! Мы ждали, что будет какая-нибудь красивая дорогая ваза! Как мы такое можем повесить в нашем новом салоне?

Муж: И скатерть какая-то старая, будто простыню на стол положили. Вот если бы с узорами, с кистями...

Жена: Что скажут наши гости? Нас же засмеют!

Муж (с сомнением): Может, на кухню, рядом с холодильником есть место...

Тут я очухиваюсь и говорю:

— Извините, пожалуйста! Вышла ошибка, недопонимание. Конечно, не стоит вам брать акварель, зачем вам эта банка? Простите, что вас обеспокоили напрасно!

Мои извинения приняты, и покупатели уходят.

Звоню папе и рассказываю ему, что, к сожалению, покупка сорвалась. Пересказываю мнение посетителей. Он в первую минуту огорчается, а потом не выдерживает и начинает хохотать вместе со мной.

Так и осталась у меня эта сирень в «банке за 20 коп».

ХАРАССМЕНТ

Дамы сейчас дружно бросились припоминать, как 10–20–30 лет назад их кто-то гнусно домогался. И вот, они тайно страдали все эти годы, стеснялись рассказать об этом ужасе, а теперь вдруг решили перестать стесняться и призвать подлеца к ответу. И к денежному возмещению морального ущерба.

А я-то чего молчу? Пора и мне вплести свой голос в хор униженных и оскорбленных!

В 1993 году одна довольно значительная репатриантская организация, пресс-секретарем которой я оказалась, устроила голодную забастовку в Саду Роз, напротив Кнессета. Всё было культурно, по закону, из Кнессета нам ежедневно присылали упаковки с водой, чтобы не было обезвоживания, пресса вокруг крутилась в изобилии. Члены Кнессета периодически к нам выходили и беседовали под вспышками блиццев, чтобы попасть в вечерние новости. Тогда у меня и выработалось устойчивое отвращение к политикам любых мастей и партий, я поняла, что все они одно и то же.

В какой-то момент к нам пришел Эхуд Ольмерт, кандидат в мэры Иерусалима. Он демократично уселся на траву рядом со мной и радостно всем сказал: «Голосуйте за меня на выборах, и я, когда стану мэром, решу все ваши проблемы!»

Всем было понятно, что это только слова, что ничего он делать не будет, просто не упускает шанс завербовать дополнительные голоса.

Рассказывая о светлом будущем, которое всех нас ожидает, как только он станет мэром, Ольмерт постукал ладошкой

себя по коленке, а потом, якобы в рассеянности, постучал по коленке меня, сидящую рядом с ним.

Была бы я умной, вскочила бы, завопила о насилии, об унижении, о недопустимом домогательстве! Свидетелей-то вокруг целая толпа, не отвертелся бы, гад!

Но я просто отодвинула ноги подальше от него... Эх, ворона!

ДЖЕНТЛЬМЕН

Несу выбрасывать мусор. Идущий сзади незнакомый мужчина вдруг забегают вперед и с полупоклоном открывает передо мной крышку мусорного бака.

Киваю ему со сдержанной улыбкой истинной леди. И думаю: «А хорошо, что я не поленилась надеть сережки!»

ШТОРМ

Всю ночь за окном творилось что-то несусветное. Полсотни ведьм выли на разные голоса. По крыше катались железные бочки с камнями, сталкивались, иногда, судя по звукам, наезжали на хвосты кошкам.

Ураган бросался на стену дома с яростью штурмующих варваров, дом трясся от ужаса, стонал, но держал. Молнии пыхали, опережая друг дружку, каждые две минуты. Град с упорством назойливого нищего колотил в окна, просил погреться. Но я, человек черствый, только туже натягивала на нос одеяло.

Утром выглянула в окно — Иерусалима как не бывало, за ночь его стащили, оставили взамен кучу серых облаков.

В доме — морозильник. Сижу за компом в шубе, шапке, меховых тапочках-сапожках. На руках митенки. Чисто француз, уходящий в 1812 году из-под Москвы.

РАЗГОВОР

К моему великому счастью, в Израиле существует доставка из супермаркета. Вот и сегодня я накупила всякого тяжелого: овощи, фрукты, соки, упаковки воды, вино по предпраздничной скидке.

Могучий красавец-араб втащил это всё на мой четвертый этаж, принял чаевые, но вдруг остановился и спросил.

— Ты русская?

— Я — еврейка из России.

— А тебе известно, что среди русских есть мусульмане?

— Я знаю, есть и много.

— Вот, много! Поэтому мы любим Россию и Путина!

— Путина?

— Да! Мы его любим! Он — вождь и он самый умный!

— Почему?

— Потому что он понимает, кто враг, и побеждает его!

— А кто его враг? Украина?

— Нет! Украина — это его собственность, он ее возвращает! А враги его — бадан и ороба!

— Кто?..

— Бадан — вождь Америки! Ороба — Германия, Англия...

— А, Европа.

— Да! Путин их всех победит!

— Ясно. Хорошего дня!

Уже из-за двери.

— Путин — герой! Он победит!

ТАКСИСТ

В пятницу, чтобы доехать до дома от автовокзала, пришлось взять такси, поскольку Иерусалим был перекрыт из-за марафона. Таксист не растерялся и потребовал двойную оплату. Расчет был точен: ледяной ветер с дождем и градом, автобусов нет, такси расхватывают, кто успел. Я согласилась и нырнула в машину.

Я привыкла к разговорчивости таксистов и обычно с интересом слушаю, что бы мне ни рассказывали, не возражая — так можно окунуться в чужое представление о мире. Но в этот раз было не так.

— Ну что, молодец ваш Путин?

— Что?!!

— Ты же русская?

— Да, я еврейка из России. И что?

— Потому что все русские обожают Путина! Все мои русские пассажиры говорят, что Путин прав, что он сильный, умный, что всё делает, как нужно...

Тут меня срывает с винта.

— Путин — преступник и убийца! Гитлер наших дней!

— А все русские говорят...

— Среди русских полно идиотов! И я не обязана думать, как они. А Путина нужно судить в трибунале Гааги!

— За что его судить? Он ни в чем не виноват. Виноваты во всем американцы!

— При чем тут американцы? Россия напала на Украину, там погибло уже множество мирных людей: дети, старики...

— Да никто там не погиб! Вранье это. А что американцы делали в Ираке, в Афганистане, ты знаешь? Они там убивали женщин и детей!

— Какие новости ты смотришь? При чем тут Ирак? Сейчас война в Украине, страшная война, бессмысленная...

— Вот! Тебе плевать, что американцы творили в Ираке! Всему миру плевать!

— Я понимаю, что тебе дорог Ирак, поскольку ты оттуда...

— А откуда ты знаешь?

— По акценту. Так вот, убийство мирного населения — всегда преступление. Но сейчас оно происходит в Украине...

— Ты опять об этом! Это всё устроили американцы из-за денег. Они устраивают все войны, потому что деньги для американцев — всё. А Путин им дает отпор.

— Слушай, посмотри какие-нибудь мировые новости. Может, ты поймешь, что всё не так, как ты говоришь?

— Я смотрю все новости, и я знаю, что я прав!.. Куда сейчас поворачивать?.. Ох, как далеко! Надо было с тебя больше денег взять... А вообще, ты мне понравилась. Не хочешь встретиться, выпить чашечку кофе? Нет? Шабат шалом!

СОДЕРЖАНИЕ

.....

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ	5
ОТ АВТОРА	7
МИР НАОБОРОТ.....	9
БЛОКНОТ ПЕРВЫЙ.....	13
ЛЕСНЫЕ СНЫ	83
БЛОКНОТ ВТОРОЙ.....	89
АВТОБУСНЫЕ ЗАМЕТКИ.....	151
БЛОКНОТ ТРЕТИЙ.....	175
ИЗРАИЛЬСКИЕ ЗАРИСОВКИ ЛЬВА РАЗУМОВСКОГО.....	241
БЛОКНОТ ЧЕТВЕРТЫЙ	249

...Удивительное дело: из некрупных наблюдений, повседневных впечатлений, мыслей и историй бытовых — сложилась замечательная книга. Я ее читая прослезился, много раз смеялся и радовался. Спасибо, Таня, что ты всё это собрала вместе. Да еще с рисунками отца! Я всем рекомендую эту книжку. Не пожалеете!..

Игорь Губерман, Израиль

...Вы с такой любовью пишете о своём папе, что уже одного этого достаточно, чтобы заинтересовать читателей. Скажу лично про себя: чем больше я читала о нём, тем больше, если такое возможно, я «заражалась» Вашей любовью...

Дина Галинская, США

...Признаюсь — в течение всех дней чтения с лица не сходила улыбка, и это удивительно, учитывая факт моей неспособности к нормальной погруженности в текст при чтении. То есть книга оказала на меня еще и психотерапевтическое воздействие, что бывает крайне редко. А в общем хочу сказать, что давно не испытывал такой радости от чтения...

Моше Гончарок, Израиль

...То, что Вы пишете — интересно, остроумно, и во многом — поучительно. Описание вещей, с которыми чаще всего сталкиваешься, лишний раз убеждает в том, что нет неинтересных событий и тем, — всё зависит от того, как на них смотришь. Читая Вашу книгу, я не переставала удивляться, сколько увлекательного (и важного) можно найти в самых простых и обыденных явлениях...

Ирина Кернер, Израиль

www.mgraphics-books.com
mgraphics.books@gmail.com

ISBN 978-1-960533-19-7

